

здателями. Лица апостолов, с подчеркнута большими глазами, обведенными резкими контурами бровей, похожи на ритуальные маски; это изображения людей в состоянии религиозного экстаза. В апостолах михайловской мозаики больше портретности, больше разнообразия и характерности, не так назойливо подчеркиваются глаза, возбужденный взгляд. Михайловские мастера обнаруживают большее внимание к передаче внутреннего мира человека. Многие расхождения между обеими мозаиками в понимании лепки, контуров, цвета вытекают из расхождений в понимании художественного образа.

Все писавшие о мозаиках Михайловского монастыря соглашаются в том, что они входят одновременно в историю как византийского, так и древнерусского искусства. Догадки по поводу того, кто был создателем мозаик — русские или греческие мастера, — вряд ли помогут внести большую ясность в это общее определение. Ведь в искусстве решающее значение имеет не национальность творца, а характер того, что он творит, — место, которое произведение занимает в искусстве различных стран и народов.

Стремясь обнаружить в михайловских мозаиках черты, позволяющие их связать с Русью, В. Н. Лазарев ограничивается самыми общими определениями или же частными и случайными признаками. По его мнению, «это искусство свежее и полнокровное»; ему присущи меньший ригоризм, чем чисто византийским произведениям, более свободная фактура, смелый цвет, в частности ведущая роль в колорите изумрудно-зеленого цвета. Между тем вряд ли можно считать все эти признаки определяющими характер русской школы. Еще менее убедительна попытка усмотреть в михайловских мозаиках «линейную трактовку форм» и «плоскостную трактовку фигур», свойственную русской монументальной живописи XII в. Было бы натяжкой утверждать, что михайловские мозаики занимают в истории древнерусского искусства место где-то между софийскими мозаиками и фресками Старой Ладogi и Нередицы.

К более плодотворным выводам можно прийти, если поставить вопрос: не находят ли различия между софийским Причащением и михайловским аналогии в общем ходе развития русской культуры XI—XII вв.?

Нельзя утверждать, что приводимые мной далее литературные примеры дают ключ к объяснению изобразительного искусства. Но тема причащения очень важна для уяснения мировоззрения эпохи, и потому естественно сравнить обе мозаики на эту тему с произведениями древнерусской литературы, наиболее ясно отражающими отношение современников к основоположным вопросам мировоззрения. Такими произведениями являются в первую очередь русские проповеди XI—XII вв.

Мозаики киевской Софии поучительно сравнить с проповедями митрополита Илариона, и не потому лишь, что в них проповедник упоминает библейские и евангельские события, которые изображались на стенах киевского собора.⁸ Более существенно то, что главный пафос проповедей Илариона и его литературный стиль имеют много общего с мозаиками Софии. В проповедях Илариона преобладает радостное ликование по поводу того, что в его время на Руси восторжествовало православие.⁹ Приемы византийской риторики, параллелизмы и противопоставления, ссылки на библейские и евангельские события — все это служит лишь средством убеждения слушателей, что с принятием новой веры на русской

⁸ В. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1950.

⁹ Д. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 26.